

22 сентября 2015 года, утро

Лязгнула, открывшись, кормушка в железной двери, за ней возникло лицо контролера.

— Доброе утро!

— Доброе, — помахал я ему рукой.

— Доброе утро, — ответил на приветствие мой сосед.

Вставать не обязательно, мы просто показали, что в камере все живы. Но вставать все равно пора, потому что выспался дальше некуда. Тут слишком много времени на сон, с девяти вечера до девяти утра, а потом еще два часа сиесты после обеда. Сдуреть можно. Я в жизни так не выспался.

Я сел на койке, потер лицо руками. Потом опустил ноги на железный столик у окна, с него слез на пол, сразу попав в тапочки.

— Куда торопишься? — спросил сосед по камере.

— Куда-нибудь, Хорхе, больше спать не могу.

«Куда-нибудь» в камере не получится, так что дошел только до ближнего к двери угла, где отлил во вмурованный в стену монументальный унитаз, смывавший все так мощно, что я каждый раз боялся наводнения. Рядом умывальник с таким же диким напором воды в кране, металлическое зеркало в стене. Душа здесь нет, тюрьма «Сентро Пенитенсиарио Малага» строилась давно, тогда персональный душ в каждой камере необходимостью не считался.

Включил свет, чтобы лучше видеть свою физиономию в этом темном углу, почистил зубы, побрился одно-

разовой бритвой, обтерся влажным полотенцем до пояса, вернулся к койке, пропустив Хорхе в «туалетный уголок». Взял с бетонной полки аккуратно сложенные тренировочные брюки, влез в них, натянул носки и кроссовки. Сейчас будет завтрак, потом нас должны отправить дальше: и меня, и Хорхе. Мы здесь не сидим, мы тут транзитники, как и весь этот блок, называемый «ингресос». Нам обоим ехать в Гранаду. Хорхе окончательно, у него срок большой, который он будет отбывать именно там, а мне оттуда в Мадрид, до суда еще далеко и вообще у меня только предварительные слушания. Но пока попутчики.

Так, вещи я еще с вечера сложил в спортивную сумку, так что только туалетные принадлежности собрать осталось. И полотенца прихватчу. И подушку. Черт, испанские подушки меня убивают своей формой, и не только в тюрьме. Испанцы почему-то предпочитают спать на очень плоских и к тому же узких, даже дома не меньше трех требовалось, чтобы голову нормально положить, а тут одна. Тут одна, в следующей тюрьме одна... курочка по зернышку. Запихал подушку в сумку под вещи, сверху кинул туалетные принадлежности, затянул молнию. Все, готов. Пусть только покормят.

Хорхе, вытирая полотенцем волосатую грудь, вернулся к койке, чуть подвинул меня, извинившись. Он невысок, носит очки, похож на симпатичного испанского дядюшку или даже дедушку из тех, что любят сидеть в кругу семьи по местным ресторанчикам, играя с внуками. Вежливый, интересный собеседник. Он тут за двойное похищение, пытки и двойное же убийство с особой жестокостью. Подробностей не знаю, но даже не верится. И еще он не испанец, Хорхе из Венесуэлы, но переехал сюда давно, хоть и выглядит как стопроцентный испанец, никакой примеси индейской крови, которая у латиноамериканцев очень заметна.

В коридоре слышен шум, готовятся к раздаче завтрака. В «ингресос» общей столовой нет, каждый раз устраивают «буфет» в коридоре и там раздают. Вскоре защелкали засовы, проходящий контролер отпирает двери одну за одной и распахивал их. Следом тут же заглядывал зэк

из obsługi, раздавая новые мусорные пакеты. Я вытащил полный из корзины, завязал, взял с полки пластиковую чашку, формованный поднос из нержавеющей стали и пошел на раздачу, по пути выбросив мусор в большой черный пластиковый бак.

Три стола, за ними еще три зэка из obsługi. Уже очередь выстроилась с подносами. Кто еще зевает, кто вполне бодр, тут же поднялся гомон, как бывает в любом месте, где разом собирается больше трех испанцев. Впрочем, в «ингресос» хватает и марокканцев, и латиноамериканцев, ну и цыган, само собой.

Поставил поднос перед первым из раздающих, и тут же в середине разместились свежая булка, пахнущая печенкой. Второй положил упаковку масла, упаковку джема и большой апельсин. Третий налил полную кружку «кафе кон лече», без которого ни у одного испанца день не начинается. Все, можно возвращаться. Хорхе в очереди через одного после меня.

Камера узкая и длинная, в торце окно. Настоящее окно, без всяких решеток, просто рама стальная и вместо стекла пластик. Но его можно даже открыть, все равно между стойками рамы не протиснешься, а внизу тюремный двор. А впереди... впереди божественный, невероятный горный рассвет. Вид из тюремных окон такой, что его за миллион евро продавать надо. Отчасти поэтому я и занимаю верхнюю койку. А у Хорхе на нижней койке вид хуже.

Сажусь за стол. Хорхе садится рядом, выставляя поднос с точно таким же набором. Двери в камеру закрываются за спиной, лязгает замок. Кормят хорошо и разнообразно, но завтрак освящен традицией и всегда одинаков. Так что я пластиковым ножом прорезаю кое-как хрустящую теплую булку, разделяю пополам вдоль, вскрываю масло и мажу им теплый хлеб, а потом сверху вываливаю малиновый джем. Пекарня тут своя, хлеб очень вкусный, кстати. Тут вообще все вкусное, что для тюрьмы противоестественно, наверно. И много, и вкусно, и вообще.

Орел опять на крыше главной вышки. Раньше на ней караул стоял, а теперь одни камеры висят, так что птицу спугнуть некому. Напротив, не заслоняя вида, высокая

стена из желтоватого кирпича с колючкой поверху, она только чуть вид портит.

— Как думаешь, отправят сегодня? — спросил я.

— Вчера звонки запретили, значит, отправят. — Хорхе приложился к кофе. — Я уже все, а ты до Мадрида, так?

— Ага.

— Еще три тюрьмы минимум. Неделю будешь ехать.

— Потерплю. Главное, в суд быстрее.

— На залог надеешься?

— Точно. — Я в очередной раз вгрызся в хрустящую булку и запил сладким и крепким кофе с молоком.

— Пусть адвокат сразу на объявленную сумму не соглашается, торгуйтесь сколько можно.

— Так и собираемся.

Особо говорить не о чем. Я про себя рассказывать не люблю, Хорхе тоже. Сокамерник он хороший, спокойный, чистоплотный, без дурацких привычек, как у одного китайца, который все время ногтями щелкал, и не храпит, но все допустимые темы мы уже прошли раньше, за ту неделю, что делим это пространство. В душу никто ни к кому не лезет, мы сокамерники временные, скоро разбежимся.

Доели, допили кофе, Хорхе распахнул окно и закурил, я отодвинулся на стуле и взялся за книгу.

Где-то через полчаса снова суета в коридоре, звук отпираемых дверей. Все, прогулка в патио до обеда. Если кому нужно, можно душ принять или там постираться в душевой, можно в футбол поиграть, если кто любит, только ворота скоро обвешаются постиранными вещами. Даром что осень, но это Андалусия, так что тут жара и загорать можно. Чем я эту неделю и занимался, совмещая попутно с бегом по кругу. Двор большой, целый стадион, а людей в «ингресос» немного, простор и благодать.

Вот и наша дверь распахнулась, улыбающийся контролер махнул рукой:

— Можно гулять, сеньоры!

— Спасибо! — ответили мы хором.

Вообще думал, что нас сразу после завтрака на погрузку поведут, но что-то задерживаются. Ладно, погуляю, что еще делать остается?

По лестнице вниз, дальше на солнце, сощурившись. Одетые все больше в тренировочные костюмы зэки один за другим, потягиваясь, выбирались во двор. У окошка «экономата», как тут ларек называется, сразу собралась кучка любителей кофе с сигареткой. «Экономат» не только торгует, там еще и кофе варят, так что вроде кафешки во дворе.

— Слава! — Я пожал руку второму русскому обитателю блока, с которым мы обычно вместе время и проводим. Нам и дальше по пути, ему, как и мне, в Мадрид, в тюрьму Аранхуэс, в которую мы попадем не сразу. Сначала транзитная Навалькарnero и уже потом окончательно. Там еще помаринуемся в «ингресос» немного, а потом уже в блок окончательно. Ну и потом у меня предварительные.

Слава уже с приговором, но подал на обжалование в Конституционный суд. Дали ему пятнадцать лет за грабеж. Вообще уникальный персонаж, наполовину русский и наполовину армянин из Краснодара, закончивший мореходку и даже походивший в рейсы, начал свою криминальную карьеру с кидания банков в России. Когда докидался до того, что чеченцы отловили и грохнули двух его подельников, сбежал в Испанию. Открыл клуб, который потом за что-то закрыли. Уехал в Африку, занимался черной скупкой алмазов, вернулся сюда и еще с одним русским взялся за грабежи. Грабил исключительно наркоторговцев-оптовиков, брал с них помногу. В полицию жаловаться никто не бежал. Но так случилось, что один раз они вычислили группу колумбийцев, которые уже работали на полицию. И вилла, на которой и кокаин хранился, и деньги, была не просто под наблюдением, но еще и оборудована камерами и микрофонами. Обычно, со слов Славы, торговцы просто убежали, когда они вламывались под видом полиции, а эти остались на месте. Были все же биты и ограблены, но через пару месяцев полиция Славу с подельником нашла.

— Ну чего, едем сегодня?

— Да пора бы уже. — Слава посмотрел на небо, словно сверяя часы. — Тянут что-то. Пошли на мешок?

Слава еще и боксер. Как и я, к слову, так что тренируемся тут вместе.

— Не, — отказался я, — взмокнем, а тут дернут резко, в автозаке потом вонять...

— Тоже верно. Пошли в тень тогда.

В углу патио нечто вроде стеклянной будки, в которой сидит контролер, вроде бы наблюдающий за порядком. Но тут и так всегда порядок, так что он больше как справочное бюро работает. Возле будки телефоны на стене и скамейки, тут вся тусовка и происходит.

— Дес, как дела?

Дес, или Десмонд, ирландец из Таллы, пригорода Дублина. Правда, проживший несколько лет в Ливерпуле, там полно ирландцев. Рослый, с широкими как лопата ладонями и толстыми запястьями, при этом с удивительно приятным и добрым лицом. С виду ему около сорока. Дес тоже любил постучать по мешкам и лапам с нами, то есть еще один боксер. Здесь за убийство и пять покушений на убийство. Когда я об этом узнал, спросил его:

— А что такой рейтинг слабый? Один к пяти?

— У меня только револьвер был, а они кучей стояли, — с готовностью рассказал он. — Первому башку снес, а остальным куда попало вцепил, одного в реанимации откачали.

— Пистолет надо носить и магазины менять быстро, — сказал я ему тогда наставительно.

Сейчас же Дес выглядел не слишком довольным жизнью.

— Меня в Гранаде в пятый модуль посадят, — буркнул он. — Там же только террористы и убийцы. Почему меня к ним?

— Ну... может, потому, что у тебя пять покушений, но одно все же убийство? — высказал я предположение.

— В других модулях убийц как дерьма. Почему я?

Прокурор затребовал для Деса тридцать лет, но приговора еще нет. Испанский суд вообще странный, приговор объявляют не сразу, а через недели, а иногда и месяцы.

— Это Испания, Дес. — Это универсальный ответ, и всем сразу все понятно.

— Кстати, Дес, тут сказали, что видели Марко, — к нам подошел Рауль, колумбиец, попавший сюда за наркотики и что-то там еще. С Десом они давно знакомы, как я понимаю, и вместе едут в тюрьму Гранады.

— И что? — Дес обернулся.

— Это Марко тебя вложил.

Рауль довольно молодой, тридцати еще нет, большой фанат всяких боевых искусств, по полдню отжимается во дворе на кулаках и растяжкой занимается. На латиноамериканца, к слову, тоже не похож, как и Хорхе. Вылитый испанец. Только одевается малость слишком уж ярко.

— Марко? — Дес аж присел. — Значит, Марко snick?

— Кто? — не понял Рауль, говорили они по-испански.

— Snicky grick! Кто-то, кто заходит сзади, чтобы неожиданно тебя поймать! — Дес изобразил, как крадется Раулю за спину. — Он здесь остается?

— Да, его в облегченный модуль перевели.

— Манда вонючая. — Дес начал злиться. — Мне тридцать лет и пятый модуль, а его в «модуло респекто»?

— Успокойся, все равно он далеко, — сказал я.

Кто-то похлопал меня по плечу, я обернулся. Ну да, Николай, скорее даже Николаэ. Николай — румынский цыган, хоть принадлежность к этому племени отрицает изо всех сил и к испанским цыганам относится крайне плохо, при виде их фыркает и даже плюется. Выглядит он стопроцентным цыганом — смуглый до черноты, толстый, с черной щетиной на голове и щеках, маслиновидными глазами и голосом, легко меняющим интонацию по всему доступному спектру, то есть от жалобного до вкрадчивого. На шее у него золотая цепь с большим крестом, он носит ее поверх одежды.

Николай вообще-то жулик, специализировавшийся на получении кредитов на подставные лица в банках, но здесь оказался за какое-то соучастие в большой румынской схеме по угону машин. Приговора у него пока нет, прокурор затребовал пять, но сам Николай рассчитывает выйти через два, а то и раньше. Ко мне его тянет из-за родственной статьи, «отмывание денег в особо крупных»,

то есть я для него символизирую вершину карьеры жулика, поэтому он мне чуть ли не поклоняется, норовит угостить кофе и даже подарить что-то полезное.

— Едем или нет?

— Не знаю. — Николай развел толстыми руками. — Должны были после завтрака везти. Уф, может, передумали?

Контролер в будке прокашлялся в мегафон, затем начал вызывать по именам. Все, кто сегодня на этап должны ехать, засуетились, но дальше возникла пауза, потому что позвали только Хорхе, Деса, Славу, Николая, Рауля и меня. Остальных оставили стоять в недоумении.

Раскрылась дверь в блок, контролер объявил:

— Берете сумки и спускаетесь к офису.

Вместо большого магистрального автобуса, поделенного на двухместные отсеки, во дворике нас ждал фургон «Ивеко», в цветах «Гвардии сивиль». Трое гвардейцев в зеленом, а с ними еще трое контролеров в синем, ждали нас рядом. Мы построились в короткую очередь у офиса, поочередно подходя к сканеру для отпечатков пальцев и предъявляя свои «удостоверения зэк». Да, тут и такие есть, с фотографиями и личным номером. Они еще и как кредитка работают в «экономате».

У меня отпечаток не прошел сразу, контролер за стойкой протер экранчик спиртом и подsunул сканер снова.

— Давайте еще раз.

Есть, сработало, можно на выход. Во дворе у нас собрали багаж, закинули сзади в соответствующий отсек фургона, затем мы поочередно подходили, вставали лицом к стене, раскинув руки, а один из гвардейцев тщательно нас обыскивал с металлодетектором, заставляя доставать из карманов то, что зазвенело. В завершение надо было упереть каждую ногу в стенку и так согнуть подошву, чтобы доказать, что в кроссовках ножи не спрятаны. Затем на каждого надели наручники, сковав руки спереди, и гуськом повели к фургону.

— Начальник, а почему не автобус? — спросил Рауль.

— Сломался автобус, — ответил один из гвардейцев. — В две партии вас повезем, до Гранады недалеко. Садитесь.

Да, в автобусе было бы комфортней, там сиденья удобные и есть что-то вроде окна, а в таких фургончиках возят больше из суда в тюрьму, не дальше. Глухой отсек без окон, где под потолком гудит вентилятор, жесткие лавки вдоль бортов, шесть мест, по три с каждой стороны, разделены низкими подлокотниками. Заглянувший в отсек гвардеец раздал шесть пакетов с сухими пайками. Я заглянул в свой — пакет яблочного сока, полторашка минеральной, большой «бокадильо» с хамоном, салатом и сыром, два крупных мандарина. Боятся, что в дороге с голоду умрем.

Дверь в отсек со стуком захлопнулась, включился тусклый свет. Через решетку передней перегородки было видно, как гвардейцы заняли свои места. Поехали с гулом в сторону тяжелые тюремные ворота, затарахтел двигатель фургона, машина тронулась.

— Следующая остановка тюрьма «Аль Болоте»! — со смехом объявил один из гвардейцев.

На трассу мы выехать не успели. Фургон двигался медленно, регулярно кренясь на правый борт на кругах, так что я заключил, что Алаурин-де-ла-Торре мы еще не покинули. Я это место хорошо знаю, езжу сюда по тарелочкам стрелять. Ездил то есть. После одного круга фургон притормозил, послышались голоса из-за перегородки. Спокойные голоса.

— Что там?

— Не видишь? Пиво высыпалось, — ответил кто-то со смехом. — Возьми себе бочонок.

— Думаешь, откажусь? Но ты его сам возьми и загрузи. Только не назад.

— Не-не-не, — тот же голос. — Погоны снимут.

Я приподнялся. Сквозь частые, как дно дуршлага, дырочки в перегородке я разглядел еще одного гвардейца в форме, стоящего у водительского окна. А перед машиной стоял развернувшийся по диагонали грузовик с рекламой пива «Крузкампо», сквозь брезентовый борт которого вывалились пивные кеги.

— Сейчас он оттолкает все, — пояснил гвардеец у окна, — и езжайте.

Разглядеть дальнейшее не получилось. Вдруг началась какая-то суета, крики, угрозы, чей-то голос орал:

— Не двигаться! Убью всех, шлюхины дети! Не двигаться! Не трогай рацию, у нас глушилка!

Сидевший напротив Хорхе удовлетворенно хмыкнул, у остальных вид был скорей недоумевающий. Затем рывком открылась дверь в салон, в проеме показался еще один гвардеец, которого я не видел раньше, с пистолетом в руке.

— Кике-е... — протянул Хорхе. — Рад видеть, омбре!

— Дядя! Давай по одному на выход! — махнул рукой незнакомец. — Руки протягивайте, — он показал ключ от наручников.

Хорхе вышел первым, «племянник» мгновенно снял с него наручники, бросив под ноги. Следующим полез я.

Гвардейцы лежали уже лицом вниз на обочине, над ними стоял человек в джинсах и свитере, направив вниз ствол пистолета-пулемета. Еще один «гвардеец» перенаправлял движение вокруг места «аварии». Там же я заметил сине-зеленый «Ситроен» с мигалками и эмблемами «Гуардии сивиль трафика», то есть местного ГИБДД.

Наручники слетели с моих рук, и я немедленно присел возле ближнего гвардейца, вытащив у того из кобуры «беретту» и три запасных магазина. Никто не сказал мне ни слова. Загнал патрон в патронник, снял пистолет с боевого взвода. Дальше все развивалось быстро, очень быстро, некогда было даже думать. Еще один пистолет забрал Хорхе, оставшийся подобрал Дес. Гвардейцев сковали их же наручниками и быстро запихали в отсек для заключенных, заодно еще и приковав к поручням. А я еще и рации с них собрал, две штуки на троих было. Выключил сразу, на всякий случай.

— Будете орать — убью, шлюхины дети, — направил на них автомат человек в гражданском. Вот он, к слову, на latinoамериканца похож.

Когда дверь с грохотом захлопнулась, Хорхе сказал:

— Можете быть свободны. Или езжайте за мной.

— А что там? — спросил Рауль.

— Там вас не найдут. Никогда.

Прозвучало двусмысленно. Он это сам понял, потому что тут же добавил:

— Я вас переправлю в Колумбию, самолет ждет. Ну?

Пауза.

В Колумбию? Вот прямо сейчас? И что потом? Деньги у меня есть, немало, я и из Колумбии до них дотянусь. Но я и здесь могу добиться оправдания, у меня адвокаты отличные... хотя нет, в тот момент, как я вытащил пистолет у гвардейца, так просто все не выйдет.

— Еду, — сказал я, затыкая «беретту» за пояс и распахивая магазины по карманам.

— Еду.

— Еду.

— Еду.

Задумался только Николай с его пятью годами в лучшем случае. А потом, неожиданно для меня, и он махнул рукой:

— Еду.

Дальше время ускорило. Как-то неожиданно для самого себя я оказался за рулем грузового «Мана», рядом сидел Слава, а остальные спрятались в кузове, снова затянув мягкую боковину. Никакого пива в машине не было, несколько пустых кегов просто разбросали по дороге. Перед нами катили «Ситроен» и автозак, из которого мы перебросили наши сумки в грузовик, в машинах люди в зеленой форме, так что останавливать не должны. Пара попавшихся навстречу полицейских машин проехали мимо, не удостоив вниманием. Сигнал охрана подать не успела, это точно, наверное, забили все глушилкой, а теперь уже поздно.

— И чего дальше? — спросил Слава.

— Едем куда везут. Колумбия, не Колумбия — по фигу. Разберусь.

— А если просто вальнут?

— У нас два ствола. И я очень хорошо стреляю, Слав. Нам по-любасу не дали бы с ментов пушки взять, если бы вальнуть хотели.

— А там что?

— А здесь что? У тебя пятнашка?

— Ничего. Даже бабки при обыске все нашли, — махнул он рукой.

— Ну вот, видишь? Что тут терять? Да и поздно уже, в побег пошли. Дыши, пока дышится.

— Жить на что будем?

— Жить есть на что, Слава, — хмыкнул я. — Мне нужен компьютер и Интернет, а дальше разберемся. Так что Колумбия подходит.

— Я в Панаму было дернуть хотел.

— На хрена?

— Кореш один бизнес предлагал, кокс оттуда возить. Даже в Питере договорился.

— Слав, ты охренел? — поразился я. — Тебе там за такой бизнес башку отрежут. Не суетись, оглядимся, и дальше видно будет. Отсюда сдернуть надо, покуда не хватились.

Колонна машин выехала на трассу, то есть «каррете-ру», но катили по ней недолго, только до Малаги и добрались, а там головной «Ситроен» свернул в промзону и почти сразу остановился. Тюремный «Ивеко» отделился от нас, свернув в проулок, мы сидели и ждали, затем водитель прибежал обратно, втиснувшись в легковушку, и мы поехали дальше. Чуть повиляв по складским проездам, заставленным грузовиками, мы выехали к каким-то воротам, автоматически открывшимся перед нами. Снова встали в каком-то дворе, один из фальшивых гвардейцев выбежал из машины, вернулся с мужиком в комбинезоне, затем они все там помахали руками, потом рядом открылись ворота ангара, и «гвардеец», подбежав к нам, махнул рукой, показывая на них:

— Заезжай туда, загоняй грузовик на платформу, глуши движок, понял? Будет сигнал, затем погаснет свет, потом снова сигнал и можешь заводить. Понял? — повторил он.

— Чё за херня? — спросил меня Слава.

— Без понятия. Повнимательней просто. — Я врубил первую, и грузовик медленно пополз к воротам, порывавая дизелем. Я вытащил пистолет из-за пояса и положил под бедро, на всякий случай. Пусть будет.

В ворота заехал медленно, поглядывая в зеркала, давно грузовик не водил, еще с армии. Но вроде не влетел ни во что. А за воротами оказался здоровенный зал с металлической платформой вроде эстакады, перед которой стояла крашенная в желтый и черный цвет металлическая арка. Сбоку какая-то застекленная будка, в ней женщина за пультом. Диспетчер какой-то, что ли? И на хрена нам эта эстакада, если летим в Колумбию?

Зашедший следом мужик в спецовке крикнул:

— Заезжай, не тяни время!

— Заезжаю, не ори! — ответил я в окно.

Лязгнуло гулко под передними колесами железо, машина фырча заехала на направляющую. Мойка какая-то, только без щеток.

— Сигнал, свет погаснет, потом опять сигнал, понял?

— Да!

— Начали!

Почти сразу же на арке замигал красный фонарь, противно задрезжал звонок вроде школьного.

— Глуши мотор, ключ из зажигания!

Я сделал, как он сказал. Мужик побежал к будке, зашел внутрь, встал рядом с женщиной. Свет погас, темнота наступила полная, ворота к этому времени уже закрылись. Я ощутил какое-то движение.

— Едем куда-то, что ли? — спросил Слава.

— Похоже, — пробормотал я. — Итить!

Лязгнуло, зашипело какой-то пневматикой, затем нас вжало в спинки сидений, машину куда-то бросило, все тело обдало холодом до онемения, затем такое же резкое торможение, из-за которого мы качнулись на ремнях, потом снова звонок — и свет. Яркий свет, солнечный, буквально вламывающийся через открытые ворота, оказавшиеся уже перед нами. И никакой арки. И человек в песочной униформе, который машет желтым флажком, крича по-английски:

— Съезжай с платформы, быстро! На стоянку давай!

Не понимая совершенно ничего, я сделал как сказали. Завел «Ман», аккуратно спустил машину с эстакады, выехал в ворота, оказавшись в большом дворе, у дальней

стены которого в рядок выстроилось с дюжину самых разных машин, и подъехал к ним, припарковавшись последним в ряду.

— Ну и где мы? — спросил Слава, удивленно оглядываясь.

— В Колумбии, мля. Не заметно, что ли?

— Не, не заметно.

Я заглушил машину и выпрыгнул из кабины, не забыв прихватить свою сумку и оружие. Постучал в борт кузова. А затем уставился на большую вывеску над длинным одноэтажным зданием:

БАЗА ПО ПРИЕМУ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ И ГРУЗОВ «ЕВРОПА»

Обернувшись назад, я увидел длинный ряд ворот, над каждым из которых черным по желтому был написан номер. Начиная с «1» и заканчивая «24».

Глава 1

*29 год, 37-е число 02 месяца, понедельник
База по приему переселенцев и грузов «Европа»*

— Пистолет разрядить, убрать в сумку! — К нам подошли двое в «мультикаме», вооруженные до зубов и так же экипированные. Шлемы, броники, автоматы, рации на груди, в общем, как на войну собравшиеся. Терминаторы, блин. Крикнул он по-английски, но с каким-то акцентом, один по морде на скандинава похож, а второй скорей на... не знаю, итальянца, что ли. — Кто в кузове, выбирайтесь! Оружие разрядить и спрятать, потом с вещами вон в ту дверь!

— Где мы? — спросил Слава.

— Где надо. Там объяснят.

В ангаре, из которого мы выехали, сверкнуло, тут же зазвенело, затем все стихло. Все замерли. Из ворот выехал уже знакомый «Ситроен» с мигалками, тут же подкативший к нам и вставший рядом. Дверцы распахнулись, вся компания выбралась наружу.

— Хорхе! Мы где?

— Там, где никто нас не достанет, — сказал «племянник», на котором из формы остались только брюки, рубашку заменила белая майка. — Дядя, пошли, нас вроде бы должны ждать. Куда идти? — тут же спросил он у «терминаторов».

Тот посмотрел на «племянника» как-то не очень доброжелательно, но все же показал пальцем на дверь, не забыв добавить, чтобы оружие разрядили и убрали.

— Эй, тут проблема, — вдруг сказал стоявший у машины Дес.

Все повернулись к нему.

— Что? — спросил незаметно как подошедший высокий мужик в форме, как у того, что был в ангаре, но с нашивками американского сержанта на рукаве.

— Рауль все, кажется.

Хорхе пожал плечами и пошел к двери, на которую ему указали, трое остальных двинули с ним. А мы со Славой подошли и заглянули в кузов.

— М-да, — сказал Слава. — Точно все.

— Ага, помер Трофим, — кивнул я. — Жалость какая.

Рауля как с десятого этажа сбросили. Странно вывернутая шея, струйка крови изо рта, остекленевшие глаза, уставившиеся куда-то в потолок кузова. Такая же непонятная поза вроде сломанной куклы, живой так не ляжет. Впрочем, я его знать не знаю, неделю знакомы и помню, что он наркоту оптом сбывал.

— Это что с ним такое? — спросил я.

— Не знаем, — привычно жалобно затянул Николай. — Темно, холодно стало, куда-то поехали, а потом как хрустнет...

— Бывает изредка, — кивнул сержант. — Не зря же перед проходом вам говорят, чтобы не дергались, сидели неподвижно.

— Нам ни хрена никто не сказал, — возмутился Дес.

— Не наши проблемы, претензии к тем, кто вас сюда отправлял, — отрезал тот.

— А кто нас отправлял? Хорхе, сука, я с тобой разберусь, — мгновенно выскочил ирландец.

— Эй, эй! — одернул его сержант. — Устроишь здесь что-нибудь, сразу сядешь. Снова, — добавил он, ухмыльнувшись. — Чтобы как в воскресной школе себя вел, понял? В лучшем случае сядешь. — Он похлопал себя по кобуре с «глоком». — В самом лучшем.

— О'кей, босс, — буркнул Дес. — Что с ним делать?

— Без вас разберутся. Идите за теми. Чья машина?

— Моя, — сразу же объявил я.

Возразить никто не сообразил, похоже, а Слава явно включил себя в совладельцы. В общем, мы подхватили сумки и пошли куда сказано. Спорить как-то не хотелось,

потому что... ну вот ощущение такое, что спорить не следует. К тому же мне на Рауля плевать, равно как и на всех остальных. Кроме Славы, может быть.

Просторное кондиционированное помещение. Белые стены, белый потолок, пол из песочного цвета плитки. Вдоль стен виниловые диваны. Табличка «Не курить!», но я и не курю. Слава поморщился, ему как раз курнуть хотелось, похоже. Две стойки, за одной молодой парень все в той же форме, за второй упитанная девица с обгоревшим до красноты лицом. Над ними вывеска «Иммиграционный контроль». Обе стойки заняты, возле них уже зависли Хорхе с компанией. Про нас они давно забыли, похоже, но и не очень нужно.

Поставив сумку возле дивана, пошел разглядывать плакаты на стенах. Сплошные пейзажи: какие-то горы, побережье с пляжами и скалами, саванна с антилопами... мы в Африке, что ли? А это вообще хрен поймешь что за зверь, блин... вот что это? Типа носорога, только выше, толще и спереди целый пучок бивней как у слона, что ли... Ага, а вон карта! Слава уже возле нее топчется.

— Сань, я чё-та не понял ни хрена, — сказал он, когда я подошел ближе. — Ты вообще что-нибудь знаешь?

Я уставился в карту, как сразу связав себя мысленно с тем бараном, что плячется на новые ворота.

— Нет, Слав, я ни хрена не узнаю. Но мы здесь, — я ткнул пальцем в красную отметку, над которой было написано «Вы здесь».

— И я догадался, прикинь.

— Ты же мореходку заканчивал?

— Ага, механиком.

— Смотри, сколько моря, можешь ходить.

— Куда?

— А куда хочешь. Вон туда можешь. — Я показал пальцем наугад. — И вот сюда, — следующий пункт назначения был отмечен с такой же точностью.

— На грузовике.

— На грузовике не получится. Что это вообще такое? Где мы?

Надо бы пугаться, но пугаться не получается, потому что все отдает какой-то абсолютной нормальностью. Никто не бежит, не кричит, не заламывает руки, за стойками негромкий бубнеж, такое все спокойное и обыденное, что паниковать совсем не тянет. Вот дойдет очередь, и за стойкой я все узнаю. В любом случае нас тут никто не ловит, это точно. Потому что иначе отобранную у гвардейца «беретту» у меня бы забрали, а не сказали ее в сумку убрать.

— Сань, я без понятия, крест на пузе.

Фермы какие-то в саванне, скот в кораллах... рыбаки, полный баркас рыбы... дети на пляже у реки... Ага, охотники у какой-то большой твари вроде кабана... здорового такого кабана, и клыки впечатляют. Или не кабана, вообще не поймешь. Самолет над горами. Какой-то карьер, а в нем экскаватор трудится, по серпантинной дороге едут грузовики с породой, на переднем плане довольный жизнью мужик в белой строительной каске... Городские фото... это обычный американский городок, натуральный Мидвест. А тут как-то посOLIDней, разноцветный кирпич, прохожие, машины, на террасе кафе люди сидят. Небольшой порт, какие-то суда под погрузкой, но опять же небольшие... Ну ладно, нормально так выглядит. Посмотрим, что дальше будет.

Очередь дошла до меня минут через пятнадцать, к той упитанной девушке. Я подошел к стойке, оперся на нее локтями.

— Где мы? — спросил я первым делом.

— Новая Земля, тут все написано. — Она выложила передо мной какие-то брошюры. — Вы сюда тоже без предварительного контракта?

Акцент британский, однозначно. Скорей даже кокни, то есть она из Лондона. Что-то тут вообще все подряд, мешанина круче, чем в Марбелье, где я живу. Жил.

— Без.

— Тогда я буду очень долго объяснять, вам проще прочитать. Но обратно вам уже не попасть. Какие есть документы? Тоже тюремный айди?

— Он самый, — я вытащил карточку из кармана.

— Имя оставить это же?

— Что?

— Имя, — терпеливо повторила она. — Нам все равно, кем и где вы были раньше, начинаете с чистого листа. Я вам сейчас выпишу новые документы. Можете назваться как угодно.

— Нет, пусть все так и останется, если с чистого.

— Встаньте вон туда, к стене, и смотрите в камеру, пожалуйста. — Она защелкала мышкой.

Я встал куда она попросила, уставился в камеру. Что-то пиликнуло, затем девушка сказала:

— Смотрите сюда. — Она чуть повернула ко мне монитор. — Подойдет для документов, или еще раз снять?

Ну да, не красавец, но я вообще такой. Но нормально, обычно я еще хуже получаюсь, так что от добра добра не ищут.

— Годится.

— Хорошо, минутку... год рождения и прочее соответствует? — Она показала мне мою тюремную карточку.

— Да.

— Подождите. Вот здесь распишитесь, — показала она на электронное стило с экранчиком.

Я расписался. Затем начал листать брошюрки, останавливаясь пока только на картинках. Просто больше фото... опять карта... ага, листочек со скидочными купонами, пригодится, наверное.

За стойкой что-то зажужжало, затем девушка выложила передо мной еще карточку, уже мой новый документ. В размер кредитки, мой портрет выгравирован лазером прямо на переливающимся пластике, еще голограммка, если на отсвет посмотреть, то проявляется знак... глаз в пирамиде, как на долларе, еще чип, как на кредитке, и заодно QR-код, квадратненький такой. Ну и подпись моя имеется.

— Это ваш айди, — сказала девушка. — Заодно дебетовая карта. При утрате можно восстановить в любом отделении банка Ордена, как это сделать, прочтете в мануале. Денежная единица называется «экию», привязана к золоту. Вам, как беженцу, начислена тысяча, это стартовое пособие. Дальше сами.

— Беженцу?

— Вы же сюда без денег и всего прочего? Значит, беженец. Так люди едут со своими деньгами и имуществом.

— Погодите, погодите, — прервал я ее. — У меня есть там... ну, откуда я, деньги. Я просто не знал, я тут случайно.

— Где у вас там деньги? — Она равнодушно посмотрела на меня.

— В банке. На счету. То есть в банках на счетах.

— Если у вас нет удаленного доступа, то сделать ничего нельзя.

— Элис? — Я посмотрел на бейджик с именем. — Элис, у меня есть удаленный доступ. Где я его могу реализовать?

— Вы не можете. — Она пожала толстыми плечами. — Вам надо говорить с моим руководством, они занимаются внештатными ситуациями.

— А где руководство?

— Я вас позову. Тогда уже с ними закончите. Следующий, пожалуйста!

Ждать пришлось долго, все уже разошлись, лишь Слава сказал, что будет ждать у машины. Затем я остался один и взялся было за брошюры, но тут в зале появилась еще группа людей, зашедшая через ту же дверь, что и мы, а из двери за стойками контроля появился некто молодой, полный, розовощекий, начинающий рано лысеть. Подошел ко мне, спросил, глянув в бумажку:

— Александр Ба-ри-нов?

— Да. — Я поднялся.

— Я Дэйвид Миллбэнд, супервайзер смены. Пойдемте ко мне в офис. — Он повернулся и пошел к двери, из которой и возник.

Офис оказался довольно просторным, на три стола, но занят быть только один. Я уселся напротив Миллбэнда.

— У вас в том мире остались деньги, как мне сказали?

— В том мире?

— Да, в том мире. Там тот мир, а тут этот. То есть если деньги у вас там, то задача их вернуть очень сложная.

— Но возможно?

— Все возможно, — кивнул он. — Где они у вас?

— В офшоре, Би-Ви-Ай.

— Доступ к счету у кого?

— Только у меня.

— Вам придется предоставить его нам. Но если требуется дополнительная идентификация, то...

— Может быть, проще посадить меня за компьютер, и я сам все сделаю?

Он покачал головой.

— Так это не работает. Вы еще не поняли? Все, вам туда уже не вернуться, а с моего компьютера ни к какому банку не подключишься. Единственный способ решить проблему — дать доступ нам. Если помните номера счетов и название компании. Если не помните, мы можем найти их сами, но стоимость услуг вырастет. Мы контракт подпишем, никто ваши деньги не украдет, лишь вычтем стоимость наших услуг. Впрочем, если денег немного, то...

— Денег достаточно. Все банковские детали у меня есть. Договор можно посмотреть?

— Да, конечно, я сейчас распечатаю.

Он пощелкал мышкой, потом из лазерного принтера вылезли три листа бумаги, Миллбэнд протянул их мне.

Так... вроде бы обычный договор поручения... прочерк для суммы... а я точно и не помню сколько там, но примерно назову... сроки... месяц, может быть, дольше. Вознаграждение... ага, нормально, двадцать пять процентов.

— Комиссионные не слишком большие? — спросил я.

— Стандартные. Или вытаскивайте деньги самостоятельно. — Он ухмыльнулся.

Вот не нравится он мне, ага.

— Ладно, в остальном нормально вроде бы, — заключил я, дочитав. — Что делаем дальше?

— Реквизиты помните? Пароли? Карточка идентификации нужна?

Вот карточка нужна, но и это решаемо.

— У вас какой-нибудь ножичек есть? — Я стащил с себя поясную сумку.

Миллбэнд выдвинул ящик стола, покопался в нем, выудил нож для вскрывания коробок и протянул мне.

— Спасибо.

Вывернув сумку наизнанку, я подрезал подкладку, отянул ее и оторвал окончательно. Весь оборот был расписан ручкой мелким почерком, сплошняком. Когда меня арестовали, адвокат принес на встречу несколько книг, охрана их пропустила. В одной из книг было все то, что мне требовалось, — номера счетов, переписанная карточка с кодами, необходимые телефоны, номера документов. Все не запомнишь, а жизнь в тюрьме мало ли как повернется... вот как сейчас, например. Затем я купил сумочку в «экономате», они у эков популярны, чтобы сигареты и прочее таскать, и переписал все в нее. А страницы из книги изорвал и спустил в унитаз. Еще подобная записка у меня есть на стельке в кедах, лежащих в сумке, тоже снизу, разумеется.

— Давайте я нужное перепишу.

Тот подвинул мне лист бумаги и ручку. Я быстро выписал все необходимое, затем расчертил схему.

— Смотрите, — я показал ручкой на прямоугольник, — отсюда перевести можно только вот сюда, с этого счета, — я подчеркнул, — на вот этот. С этого куда угодно, оптимально сделать как кредит или платеж за кредит вот за эту компанию.

— Банк тоже с островов?

— Да, но вот этот дубайский, с него вывести проблемой не будет.

— Понятно. Какая сумма?

— Четыре миллиона двести десять тысяч долларов. На этом счету и этом.

— Кхм, — Миллбэнд откашлялся. — Серьезные деньги.

— Надеюсь.

— Мы можем вывести только через золото.

— В смысле?

— В самом прямом. Доллары конвертируются в золото по текущей цене, в обязательства, отсюда мы вычитаем двадцать пять процентов по весу, затем сертификаты переводятся в наш банк, там удерживаем десять процентов налога, потом вам на счет зачисляются экю по курсу. Один экю за десятую грамма. Так можно хранить в золоте, но не в вашем случае, потому что физической транзакции

не происходит. Впрочем, у нас колебаний курса нет, экию привязан к золоту, как я сказал.

— Посчитаем?

— Запросто, — кивнул он. — На сегодня у нас грамм... — он посмотрел в монитор, — сорок два и шесть. Так, четыре миллиона двести десять..., — защелкали клавиши, — на сорок два и шесть, получаем... почти девяносто девять килограмм, или вам в унциях лучше?

— В граммах.

— Хорошо. Так, отнимаем наши комиссионные. Имени... семьдесят четыре сто двадцать, это в граммах. Умножаем на десять, получаем семьсот сорок одну тысячу двести экию, минус налог... шестьсот шестьдесят семь тысяч семьдесят семь экию на вашем счету. Это очень неплохо, поверьте. Можно начать большой бизнес. — Он уже улыбался, глядя мне в глаза.

— Это примерно четыре к одному к евро? — уточнил я.

— Именно так. К доллару просто цена золота, деленная на десять, без учета обязательного налога.

— Обнадеживает.

— Есть еще способ ускорить и обезопасить операцию. — Глаза у него вдруг соскользнули с меня и уставились в окно.

— Какой? — уточнил, подозревая ответ.

— Десять процентов комиссионных лично мне, — тихо сказал он. — Тогда я займусь этим сам. Это не только мне. — Он снова посмотрел на меня с радостной улыбкой. — Я разделю это с двумя людьми из банка, которые будут заниматься этим персонально.

— Десять?

— Десять.

— Шестьдесят шесть тысяч?

— Именно.

— Когда?

— Только по зачислении средств на ваш счет, разумеется. Переведете в другой банк, за оказание услуг, все будет нормально. Зато гарантия сто процентов.

— А так не сто?

— Ну.. иногда так бывает, что долго тянут, там кому-то некогда...

Втирает, я же вижу. Но сейчас в бутылку лезть смысла нет, пусть сперва деньги сюда вытащат. И кстати, я не очень уверен в том, что «по зачислении на счет». Как-то они подстрахуются, учитывая, что никакого официального соглашения у нас на сей счет нет.

— Около месяца?

— Примерно. Иногда бывает дольше, но не в нашем случае. — Он снова заулыбался. — Тут все случится максимально быстро.

— Хорошо, договорились.

— Тогда к соглашению вернемся. Эту сумму вбиваем?

— Эту. Там будет чуть больше, но я не помню точно, так что эту.

Потом меня еще и на прививки погнали, даже не спросив ничего про аллергию. Но успокоили, сообщив, что пить потом можно. Когда вышел, то нашел Славу курящим в кабине грузовика.

— Чего завис?

— Да так, пообщался с начальством местным. Так, мне сказали грузовик зарегистрировать. Где-то здесь, прямо на выезде.

— Вон туда две тачки погнали. — Слава показал на ворота в дальней от нас стороне огромного двора.

— Ну и мы туда поехали. — Я втянул себя в кабину. — Чего ждать?

Так, хоть осмотрюсь более или менее. Машина вроде нормальная, хоть и неновая, пробег под триста тысяч. Кабина трехместная, но спинка среднего сиденья опущена и пока образует столик с подстаканниками. Бак полон на три четверти, неплохо, а то я понятия не имею, почему тут солярка. Я даже понятия не имею, что на эти деньги можно купить.

— Слышь, я пока почитал вот это. — Слава потряс брошюрками. — Пишут, что стволы тут свободно можно иметь.

— Ну, судимости у меня пока еще нет. — Я задумался, потом сообразил, что несу бред. Какая тут судимость?

— На этой базе носить нельзя только. Сумка, чехол, без патронов. А то штраф или конфискуют. Вот тут написано. — Он показал мне книжечку, на обложке которой на четырех разных языках было написано «Правила внутреннего распорядка на Базе по приему переселенцев и грузов «Европа». Для переселенцев». — И свалить надо самое позднее через три дня. Но мне тот хрен, что тогда подходил, сказал, чтобы нас тут уже завтра не было никого.

— М-да? Ну ладно. Понять бы, куда дальше.

Я подал «Ман» задом, вывернул руль и поехал к тем воротам, на какие Слава показал. Ну да, вон же стрелки «выезд» с силуэтом машины по всему забору намалеваны.

Перед воротами нашлось большое застекленное окно в стене, за которым скучал еще один человек во все той же песочной форме. Прямо как в тюрьме на приеме контингента. Едва я к нему сунулся, он объявил:

— Давай айди.

Я сначала хотел достать «удостоверение зэка» и дать себе пальцы прокатать, но потом спохватился и протянул новое удостоверение. Мужик сунул его в считывающую машинку, покивал, спросил, что за грузовик, я назвал марку, после чего тот заключил:

— На вас теперь машина значит, но это не регистрация. Дальше сами думайте, где номера получать будете. Если будете.

— А обязательно?

— Нет. Но если машину сопрут, то как доказывать, что ваша?

Ну да, логично.

— А где регистрировать?

— Можно здесь, на базе. Там стоянка будет, сами все увидите.

Ворота, чуть дернувшись и лязгнув, поползли в сторону, выпуская нас из транзитной зоны в новый мир. Пропади он пропадом.

— Колумбия, млять, — пробормотал я себе под нос. — Смылись.

Слава продолжал листать бумаги, делая все новые и новые открытия.

— Сань, прикинь — тут день тридцать часов, а последний час семьдесят две минуты.

— Чего? — не понял я.

— Что слышал. Тридцать часов в сутках. Сорок дней в месяце. Одиннадцать месяцев в году.

— Мы на Марсе, что ли?

— А там одиннадцать месяцев?

— Не думаю. Но все равно не въезжаю пока ни во что. По идее, мне должны были в тюрьме макароны давать, а я...

— Плохо, что ли?

— Не, лучше, чем тюрьма, но не понимаю, что вокруг делается.

— Пойдем, — философски сказал он.

— Да пойдем, конечно. Кстати, спать хочется, по порядку сиеста должна быть. Ладно, ладно, шучу. Кстати, а если тридцать часов, то сиеста у них сколько длится?

— Чего не скажу, того не скажу.

За периметром транзитной зоны обнаружилась зона промышленная. Какие-то цеха, склады, огороженные сеткой стоянки машин. Причем машины, похоже, были не таких вот «переселенцев», как мы, а завезенные оптом, то есть по несколько машин одного типа в рядок. Одна же стоянка была заполнена машинами разношерстными, случайным образом расставленными, и там же я увидел стеклянную будку с ящиком кондиционера и надписью «Регистрация машин», тоже на четырех языках, возле которой собралась небольшая очередь.

Машины на площадке все больше были... ну, скажем так, более внедорожные, чем наш грузовик с рекламой пива на тенте. Мы свернули туда, и после примерно двадцати минут ожидания какой-то португалец в рабочем комбинезоне нашел на нашем грузовике все нужные номера, внес в таблицу в планшете, а вскоре в той самой будке мы получили два номера, после чего нам предло-

жили выметаться из промзоны и искать место на стоянке.

— Все, что ли? — спросил Слава.

— Наверное. Дальше куда?

— Тут схема есть. — Он развернул очередную бумагу. — Говорят, что для нас есть общага... но можем в мотель... тут их... раз, два и три. Три, короче. Опа, даже цены показаны. — Слава ткнул пальцем в кружочки с цифрами и символом местных денег. — Общага по пятерке с носа, мотели... от десятки до полтинника, ты гля. Куда?

— Слушай, не хочу в общагу, ну ее на хрен. Опять как в модуле будем.

— Точно. Погнали в мотель. По десятке.

— А что еще есть? — Я наклонился к карте, которую он разложил на столике. — Магазинов до хрена... та-ак, одежда... ты смотри, машинами торгуют... продукты... — Я продолжал водить пальцем по значкам, — оружейный. Оружейный!

— На фига? Есть же ствол, давай бабки придержим.

— Слав, ты фото видел? Карту видел? Если оружейный прямо на входе, это, наверное, зачем-то, не?

— Блин, у нас по косарю всего, — засомневался он.

— Грузовик есть. — Я постучал по рулю. — Груз можно взять или еще чего.

— Где груз? — Он посмотрел на меня. — Кто тебе про груз сказал?

— Диспетчерская, формирование колонн, логистика. — Я нашел квадратный зеленый значок. — Может, кому бахла везти надо или еще чего. Покрутимся, выясним.

— Нам сказали с утра сдриснуть, — напомнил он.

— Мало ли что сказали? Кто сказал? Сержант с двора? Да на хрен он пошел, мы с чистого листа? Вот пусть помойку и завалит, — возмутился я.

А еще можно Миллбэнду наябедничать, я думаю. Денег хочет? Пусть тогда отработывает. Халявщик, мля.

Слава явно хотел сказать что-то вроде «я бы не нарывался», но тут авантюрная часть его природы взяла верх и он со мной согласился:

— Правильно. Так и сделаем.

В общем, покатыл я к оружейному. Даже не потому, что надо, а потому, что я мимо них не прохожу никогда. Даже если туда иду и захожу, то все равно заглядываю, когда иду обратно. Хобби такое. Или взгляд на жизнь. Черт, знал бы, весь бы свой сейф сюда привез, чего там только нет у меня. И пока суда не было, я по-прежнему законный владелец.

База за пределами промзоны больше напоминала чистый такой и ухоженный городок, только без явных национальных признаков, с какой-то европейской страной соотнести не получалось. Дома как раз из такого цветного кирпича, какой я на плакатах видел, гладкий чистый асфальт, разве что с газонами напряженка, вместо них засыпанный галькой песок, а из него то кактусы растут, то какие-то кусты. Перекрестки с круговым движением, нашлась даже площадь с фонтаном, а торговая улица одна, довольно широкая, только оружейный не на ней, а дальше, почти к концу территории, если схеме верить. Зато у него оказалась просторная стоянка, и стояло там всякое, так что грузовик наш разве что рекламой пива вызвал легкий интерес у группки мужиков, куривших возле двух подготовленных внедорожников.

— Пошли? — Я открыл свою дверь.

— Пошли.

В оружейном было прохладно, а еще он был мало похож на те магазины, в которых я был раньше. Точнее, он больше напоминал распродажу военного «сюрпласа» где-нибудь в Америке, только ассортимент выглядел посерьезней, потому что шел сюда явно с каких-то военных складов. Или заводов, но тоже военных. Ящики у стен, деревянные пирамиды, в которых рядами автоматы и винтовки, пистолеты просто разложены в прилавке и не так чтобы прямо обширный выбор... зато вон пулеметы стоят, я самый натуральный «ПКМ» вижу, и еще всякого до черта... хм... Тут, похоже, с этим и вправду свободно. Полностью.

Пожилой дядек с пузом и седой бородой лопатой, одетый в камуфляжные штаны и опасно натянувшуюся на пивном пузе майку, подошел к нам, спросил на ан-